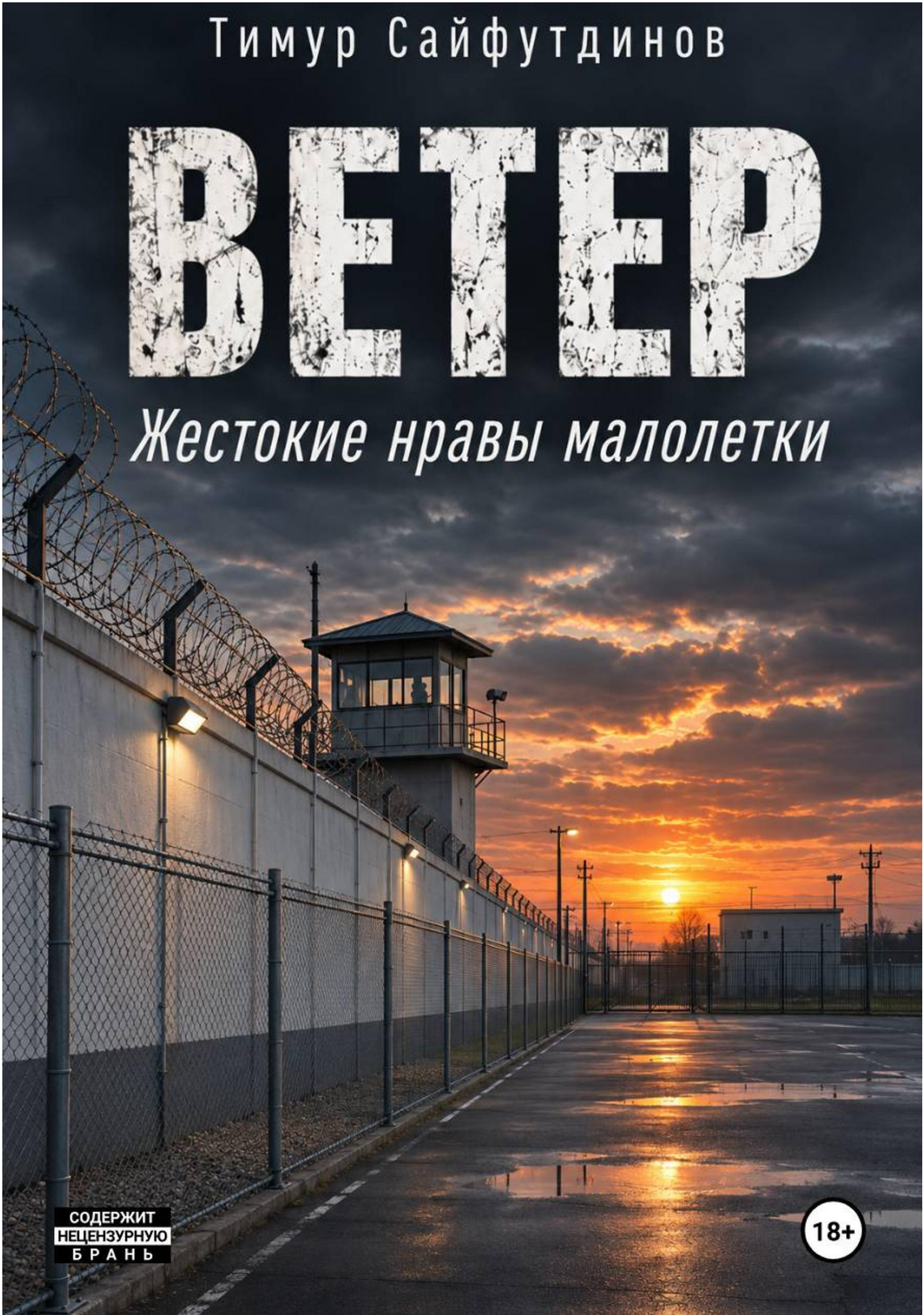
Тимур Сайфутдинов

ВЕТЕР

Жестокие нравы малолетки

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Тимур Сайфутдинов

Ветер. Жестокие нравы малолетки

«Автор»
2026

Сайфутдинов Т.

Ветер. Жестокие нравы малолетки / Т. Сайфутдинов — «Автор», 2026

Середина девяностых. Подросток по прозвищу Ветер попадает в колонию для несовершеннолетних.Он едет туда с простой целью: отсидеть правильно, не сломаться и выйти человеком, которого будут уважать. На Тройке его встречают свои. Земляки, старый друг, сильная семья. Поначалу кажется, что всё складывается даже лучше, чем он рассчитывал.Но очень скоро Ветер понимает: здесь свои правила, своя иерархия и своя цена ошибки. Дружба легко превращается во власть, уважение в страх, а человек, который сегодня находится наверху, завтра может оказаться совсем в другом положении.«Ветер. Жестокие нравы малолетки» — художественная история о подростке, взрослении за колючей проволокой, борьбе за статус и о том, как меняется представление о силе, своих и авторитете.

© Сайфутдинов Т., 2026
© Автор, 2026

Тимур Сайфутдинов
Ветер. Жестокие нравы малолетки

Тимур Сайфутдинов

ВЕТЕР

Жестокие нравы малолетки

История подростка, оказавшегося в колонии для несовершеннолетних в середине девяностых

18+

Содержит нецензурную брань

Произведение является художественным. Имена и прозвища персонажей, географические названия и названия учреждений изменены или вымышлены. Отдельные события, обстоятельства и образы персонажей художественно переработаны. Возможные совпадения с реальными лицами, организациями, учреждениями и географическими объектами не означают их тождества персонажам и объектам произведения.

Произведение предназначено для совершеннолетних читателей.

18+

Содержит нецензурную брань

© Тимур Сайфутдинов, 2026

Глава 1. Осуждёнка.

Ветра привезли сюда второй раз. Он уже заезжал на тюрьму и понимал, что к чему. Зэки говорили именно так: не в тюрьму, а на тюрьму. До этого он провёл здесь четыре месяца под следствием. Его осудили и дали два с половиной года. Потом около месяца он просидел в осуждёнке. Тогда ему фартануло, и по касачке, так называли кассационную жалобу, реальный срок заменили на отсрочку приговора. Ветра нагнали на свободу.

Это он так говорил, что фартануло. А по факту фартануло ему с матерью. Она нашла дотошную адвокатшу, которая и добилась его освобождения. Ветер радовался и был благодарен, но нужных выводов не сделал. А точнее, у него был свой план.

Он тогда довольно смутно представлял, чего хочет от жизни, но одно понимал точно. Ему нужно было заработать авторитет.

В его мире это было понятнее всего остального. Вот двор, улица, вот свои. Можно быть никем, можно ходить под кем-то в серой массе, а можно постепенно становиться человеком, которого знают и уважают.

Другой понятной дороги наверх он не видел. Учёба, работа, профессия существовали где-то отдельно, но рядом не было людей, на которых Ветер смотрел бы и думал: «Вот таким я хочу стать». А уличных старших он видел. Видел, как к ним относятся, как с ними учтиво разговаривают, как их боятся. И именно туда ему и хотелось.

Попасть в зону в этой картине не выглядело концом жизни. Скорее наоборот. Среди пацанов считалось, что зона может человека закалить. Научить не бояться. Проверить, чего ты стоишь. Отсидел нормально, не сломался, вернулся путёвым – значит, уже другой вес. Доходило до того, что некоторые отцы говорили своим сыновьям: тебе бы отсидеть, жизни научиться, это лучший институт.

Ветер не то чтобы размышлял и формулировал себе всё это именно такими словами. Но смысл был примерно такой. Он хотел пройти этот путь и выйти сильнее, увереннее и с большим авторитетом.

Поэтому после выхода из следственного изолятора он не думал, как сделать так, чтобы больше не заехать. К предоставленной возможности отнёсся халатно и жил по принципу: куда река событий вынесет. Сразу подошёл к улице, нашёл друзей своего возраста и постарше. Несмотря на запрет старших на улице, они бухали и зихерили. По пьяни попадали в отделы милиции. А пару раз менты забирали Ветра прямо со сборов. Так он набрал нарушений, и суд заменил отсрочку на реальный срок.

На свободе он погулял чуть меньше года, как будто в отпуск сходил. Все старания его мамы и труды адвоката пошли насмарку. Мог реально избежать срока, но у парня были не те приоритеты и авторитеты.

Теперь всё начиналось заново. Та же старая верхневолжская тюрьма царских времён. Те же ворота и двор, в который заезжал воронок. Шмон, крики дубаков, продолы.

Стены были покрыты шубой. Называлось это именно так. Стена была неровная: мелкие камни и керамзит, замешанные в бетоне. На такой ничего особо не напишешь, да и нормально прислониться к ней практически невозможно.

Зэки использовали неровности шубы по-своему. Между камешками иногда заталкивали окурки, а иногда и целые сигареты. Тот, кто смог протащить курёху в боксик, таким образом, уходя, загревал следующего.

Ветер вспомнил, как попал сюда первый раз. Ему было пятнадцать лет. Тогда ему было очень страшно. В отделе его пугали менты, потом ещё какие-то мужланы в камере рассказывали, что тяжело ему придётся на малолетке. Что там беспредел, а он мелкий и за себя постоять не сможет.

А здесь, в боксике, ему тогда попался другой мужик, который когда-то сам сидел на малолетке. Тот, наоборот, Ветра подбодрил. Объяснял, как вести себя, когда зайдёшь в хату. Говорил: – Главное, пацан, не ссы. Хватай фаныч, они там тяжёлые, и бей первого. Не бойся получить. Зато себя покажешь, уважать будут.

Всё это Ветер уже прошёл. Фаныч хватать не пришлось, но прописку проходил. Теперь он знал, куда его поднимут, как тут что называется, и что фаныч – обычный алюминиевый чайник.

На продоле послышались шаги старшого. Звякнули ключи. Робот открылся. Роботом называли массивную тюремную дверь с кормушкой и глазком. Глазок здесь назывался пикой. Крикнули фамилию Ветра. Его вывели из бокса и подняли наверх.

Хата 5.3. Осуждёнка.На тюрьме зэки называли камеры хатами и делили их по цифрам. Не говорили «пятьдесят третья камера». Говорили: «Хата пять-три».

Осуждёнок на малолетке было несколько. Как понятно из названия, в эти хаты заезжали после суда. Те, у кого приговор уже вступил в силу, ожидали этапа в зону. Большинство ехали на Тройку.

Про Тройку ходили разные слухи. Да и вообще про малолетки тогда рассказывали много чего. Зоны с жёстким режимом, беспредел, бугры, масти. Кто-то пересказывал то, что ещё на воле слышал от освободившихся кентов. Кто-то слушал второходов, тех, кто после освобождения снова успел заехать по малолетке. Кто-то пересекался в следственных хатах с раскрутчиками, которые в зоне снова совершили преступление и которых привозили обратно на тюрьму по новому делу, за дополнительным сроком.

Одним из таких был Лёха Серебряный. Про него ходили слухи, что он вроде как авторитет, не стал ходить под буграми, раскрутился и порезал кого-то из них. Кто-то сидел с ним в следственной хате, слышал всё от него самого, потом рассказал другим.

Что в этих историях было правдой, а что уже отсебятиной после нескольких пересказов, отличить было сложно.

Ещё на свободе у Ветра был сосед Захват. Тот отсидел и освободился с Тройки и многое про неё рассказывал. Но одно дело слушать байки за зону во дворе и совсем другое самому ехать туда жить.

Ветра пугало не только то, что там нужно было стоять за себя и возможно драться и получить. На малолетке, судя по рассказам, можно было одним неправильным поступком опуститься так, что потом уже ничего не исправишь. Какие-то кранчики, масти, понятия не как на свободе и на взросляке, про которые заранее даже всего не узнаешь. Ошибся, не так ответил, не с тем полоснулся или ещё что-то сделал по незнанию, и всё. А потом этот хвост мог тянуться за тобой всю жизнь.

Ветер жил в уличной среде и прекрасно понимал одну вещь: мало просто отсидеть. Важно было, как ты отсидел. На свободе с уважением относились только к тем, кто прошёл тюрьму и зону путёвым. Ветер других вариантов не рассматривал, ему нужно было отсидеть срок не просто нормально, а заработать авторитет. Не загаситься, не унизиться, не сделать чего-нибудь такого, после чего свои же от него отвернутся. Наоборот, выйти оттуда уже другим, повзрослевшим и весомым. Но гарантировать этого никто не мог.

Ветер был верхневолжский. На Тройке жили его земляки, причём жили неплохо. Там находился его близкий друг Влад, погоняло Кент. По сути, Кент был его лучшим другом, а теперь они ещё и были с одной группировки. Ветер грел его со свободы и несколько раз приезжал на свиданку вместе с его мамой, тётей Зиной.

Конечно, Ветер рассчитывал, что Кент подтянет его в зоне к себе. Но Кент скоро освобождался. Да и наличие близкого друга само по себе ничего не гарантировало. Ветер это знал ещё по улице. Можно быть со своими, иметь знакомых, даже близких друзей, а потом где-нибудь неправильно поступить, и старшие решат вопрос совсем не в твою пользу. А Тройка, судя по всему, была системой ещё жёстче.

У других такой поддержки вообще не было. Сам Ветер этим на тюрьме не кичился и не акцентировал, кто у него там и как живёт. Ещё определят под будущего бугра, а ему это сейчас ни к чему.

В камере были пацаны из других городов. Например, из соседнего Курчинска. Про них говорили, что сильной семьи на Тройке у них нет. Сильными считались верхневолжские и нижнесуровские. Остальным уже как повезёт. А точнее сказать, не повезло.

Хотя Ветер смотрел на этих пацанов, и они были очень духовитые. Особенно Ветру запомнился Кирпич. Здоровый, крепкий пацан. Говорил уверенно, как будто уже точно знал, что будет делать в зоне.

– Я на этап заточку заныкаю. Приеду в зону, выйду в отряд – первого бугра сразу валю. Сразу!

Он постоянно возвращался к этой теме.

– Мне похуй. Первого бугра сразу валю, чтобы всё понятно было.

Ветер смотрел на него и верил. Кирпич так это рассказывал, что казалось, реально приедет и завалит первого попавшегося бугра.

С самими буграми Ветер пока тоже до конца не понимал. Получалась какая-то странная вещь. Буграми часто называли именно верхневолжских. Бугор вроде такой же зэк. Но при этом командует другими зэками, следит за порядком, сотрудничает с администрацией.

Ветер был с улицы. Кент был с той же улицы и, насколько слышал Ветер, на Тройке жил именно с уличными пацанами. Неужели там уличные сотрудничают с администрацией? Такого быть не может. Тогда почему их называют буграми? Что-то не вязалось.

Кирпича увезли на неделю раньше. Перед этапом он всё так же собирался валить первого попавшегося бугра.

Через неделю в зону поехал и Ветер.

Глава 2. Этап.

На этап дёрнули к вечеру. Из хаты увозили двоих, его и Фасона. Они попрощались и взяли свои баулы. У Ветра вещей особо не было. Спустили в боксик их и ещё четверых из других осуждёнок. Среди них верхневолжских больше не было.

Долго ехать не пришлось. Тройка находилась на окраине города. Когда воронок подъехал к зоне, уже стемнело. Было начало зимы.

Вновь прибывших выгрузили, завели на шмон, потом повели в карантин. Здание карантина находилось в другом конце жилой зоны, и к нему шли через плац.

Почти сразу Ветер почувствовал химический запах. Сладковато-едкий. Вокруг зоны стояли заводы, трубы. Ветер знал этот район. Неподалёку, на одном из этих заводов всю жизнь работала его мама. И этот штын он тоже знал. Иногда он становился сильнее, иногда почти исчезал, видимо, смотря куда дул его тёзка ветер. Потом Ветер к нему привык и через какое-то время почти перестал замечать. Но в первые дни этот запах был частью всего остального.

По одну сторону плаца стояли бараки. По другую запретка, фонари. На улице никого, только люди в форме, которые сопровождали этап.

Из-за здания барака вышел человек в робе и подошёл к ним. Поздоровался с ментами: «Здравствуйте, я на пару слов». Старший мент одобрительно кивнул: «Только недолго».

Ветер узнал Щуку, он видел его ещё на воле. Они были с одного района, только с разных улиц. Щука в той среде был довольно известный, видный пацан. Лично Ветер с ним не общался, но прекрасно знал, кто это. Сам же Щука Ветра раньше не знал, только слышал от Кента и Шаха, что тот должен подняться на Тройку.

Щука спросил у новеньких:

– Кто Ветер?

– Я, – ответил Ветер.

Щука подошёл ближе и протянул руку.

– Здоровенько, братан. Я Щука.

– Да знаю. Здорово.

Здесь Щука тоже выглядел соответствующе. Холёный. Аккуратная тёмно-синяя телогрейка, чёрная мутоновая шапка, кирзачи блестят. Всё сидит как надо. Уверенный, дерзкий. Сразу видно, живёт он здесь не хуже остальных.

– Чё у тебя есть? Вещи какие-нибудь нормальные? Костюм спортивный, ещё чё-нибудь? Всё, что могут отшмонать, давай сюда. Уберу до твоего выхода.

У Ветра ничего особо ценного не было. Какие-то шмотки он Щуке всё-таки отдал, но вещи были беспонтовые, вряд ли кому-то особенно нужные.

Щука взял их и сказал:

– Привет тебе от Кента и Шаха. Мы тебя ждём. Эти слова взбодрили.

Шаха Ветер видел на свободе всего один раз. Знакомы они были мало, в основном Ветер знал о нём от Кента. Кент рассказывал, что живёт с Шахом и что Шах здесь самый весомый среди сидящих. Что-то вроде смотрящего, хотя так его официально никто не называл. Шах тоже был с их района.

Получалось, у Ветра здесь были земляки, которые были у руля, ждали его и уже знали, что он приехал.

Долго поговорить не дали. Этапных увели в карантин.

Карантин находился на втором этаже отдельного здания. Вновь прибывшие проводили там две недели.

Окна выходили прямо на столовую. Через них было видно, как отряды подходят туда строем. Сначала два отряда, потом ещё два. Кто-то объяснил, что в зоне две смены. Второй и четвёртый отряды вместе ходили в столовую, школу и ПТУ. Первый и третий были в другой смене.

Из карантина почти никуда не выводили. Только в баню раз в неделю. Баланду из столовой приносили сюда же. Приучали к режиму. Подъём. Заправить шконки. Зарядка. Умыться. Завтрак. На стене висел распорядок дня. Днём сидели в классе. Раздавали книги, учебники. Приходили воспитатели, проводили беседы о порядке, режиме, о том, как здесь положено жить.

Было очень скучно. Ветру хотелось быстрее выйти в зону. Хотя всё равно было страшновато. Теперь он хотя бы знал, что его действительно ждут. Щука сам подошёл и передал привет от Кента и Шаха. Значит, всё должно быть нормально. Но в какой отряд его распределят, Ветер всё ещё не знал.

А остальные вообще находились в подвешенном состоянии, на лютой измене, хотя старались виду не показывать. Ветер в карантине в основном разговаривал только с Фасоном. Они сидели в одной хате 5.3 на тюрьме, там не сказать, что были близкими, но тоже общались. Фасон заметно нервничал. Он был из небольшого посёлка и его здесь никто не встречал. Ветер даже думал, если получится, попросить за него у земляков, главное, чтобы они попали в один отряд.

Все ждали распределения. Фасона определили во второй отряд. Этим отрядом пугали ещё на тюрьме. Там был Кобра. Говорили, жёсткий бугор. Причём Кобра был верхневолжский и с улицы. Ветер опять не мог понять, как это вообще сочетается. Пацан с улицы и одновременно бугор.

Самого Ветра распределили в четвёртый.

Встреча. Из карантина Ветра вывели ближе к вечеру. Прямо на входе в отряд его снова встретил Щука. Ещё днём он узнал, что Ветер заезжает к ним. По виду Щука был рад такому обстоятельству.

Он сразу провёл Ветра в секцию и показал шконку. Почти все шконари были двухъярусные. Только в дальних углах от входа стояли по две-три одноярусные кровати. Углы обычно и на тюрьме считались козырными.

– Это наши, верхневолжской семьи, – объяснил Щука.

Они прошли в один из углов.

– Вот здесь будешь. Это твоя шконка. Он показал на вторую от угла. – А моя вот в углу. И вот твоя тумбочка.

Ветер положил вещи.

Щука достал трикошки и джемпер, которые забрал у него ещё в тот вечер, когда этап только завели на Тройку.

– Переодевайся. Тапки есть? В отряде в свободное время можно ходить в вольном.

Ветер снял телагу и шапку, достал тапки, переоделся.

Щука крикнул:

– Кефир!

Прибежал какой-то штрих.

– Отнеси робу и кирзачи в сушилку. Повесь рядом с моими.

Кефир взял вещи и ушёл.

– Пойдём, покажу, где тут что. И познакомлю с семейниками. Старший семьянин у нас Джан. На этих словах Щука как-то ехидно улыбнулся.

– Ему недолго осталось. Скоро звонок.

Они подошли к какой-то двери.

– Начнём с дальняка. Про кранчики слышал, наверное?

– Слышал.

– Мы умываемся под первым. Но можно под первыми тремя. Дальше масти, туда ни в коем случае. Под четвёртым краном загашенные пацаны. Пятый кран, там пидары и кто с ними полоскался, обиженные, короче. И наши носки, трусы под пятым стирают. А под шестым совсем конченые мрази, на которых пробу негде ставить. С ними даже пидары под одним краном умываться не хотят. Там дальнячие тряпки споласкивают. На всякий случай: за незнание тут отвечают. Так что ни после кого не кури и из чужой посуды не пей.

Ветер спросил: – А в карантине же один кран был? И тарелки общие.

– На карантин, санчасть и столовую это не распространяется. В столовой в хозбанде вообще загашенные поварята и посудомойщики. Пойдём дальше. В сушилку.

Они пошли по коридору. Все, кто попадался им навстречу, прижимались к стенам и опускали глаза. Щуке кто-то не понравился.

– О, Сава. Ну-ка зайди в сушилку.

Сава без разговоров пошёл за ними. Сушилкой называли раздевалку. Щука снова крикнул:

– Кефир! Тот прибежал.

– Иди встань на пику.

Кефир убежал. Щука повернулся к Саве и сразу начал его пиздить.

– Ты чё так хуёво секцию у нас помыл, а?

Сава что-то мямлил. Щука дал ему с локтя, и тот опрокинулся на пол.

– Встал!

Сава приподнялся.

– Иди нахуй отсюда. И сейчас в секции протри полы в нашем углу, где наследили.

Сава ушёл. Щука как ни в чём не бывало продолжил:

– В общем, это сушилка. Здесь робы, телаги. Вот твои вещи здесь будут, рядом с моими.

Ветер был немного в шоке от увиденного. Не то чтобы он никогда не видел, как бьют людей. На свободе всякое было, да и на тюрьме. Но здесь удивляло другое. Щука только что избил человека и через секунду продолжил проводить экскурсию тем же голосом, будто просто включил свет по дороге или перевесил телогрейку. Ничего особенного не произошло.

Они вышли.

– Так, зайдём сюда.

Прошли в большую комнату, похожую на класс. Рядами стояли секции стульев по пять штук, соединённых между собой, с откидными сиденьями. Все смотрели телевизор.

– Это ПВР-ка.

Когда вошли Щука с Ветром, все сидящие заметно напряглись.

Щука показал дальше: – Там раздевалка мастей. Это дверь в воспитскую. А вот наша чайная. Заходи. Он пропустил Ветра вперёд и вошёл следом.

Комната была небольшая, вытянутая, примерно четыре на шесть метров. Почти всю середину занимал длинный стол. С каждой стороны стояло по пять-шесть стульев. Прямо напротив входа было окно. На широком подоконнике стоял кассетный магнитофон, по углам две колонки. По бокам, в перегородках чайной, тоже было по одному большому глухому окну. Оба были занавешены. Одно выходило в ПВР-ку, куда они только что заходили, а второе – в соседнее помещение. Щука сказал, что там чайная нижнесуровских.

Если захотеть, из соседней комнаты можно было услышать почти всё, о чём здесь говорят. Поэтому серьёзные вещи обсуждали тихо. Или включали музыку погромче.

В углах стояли тумбочки. На стенах висели пустые пачки сигарет. В основном Marlboro. Их скрепляли между собой и таким образом украшали стены. Нижняя часть стен, примерно до полутора метров, была отделана полированным деревом, как старая советская мебель. Выше шла красная обивка, похожая на ту, которой раньше обивали входные двери.

Возможно, когда-то помещение предназначалось для чего-то другого. Скорее всего, здесь была комната старшины. Теперь это была чайная первой семьи. Типа офиса.

За столом слева, в дальнем углу ближе к окну, сидел Джан.

Это было место старшего семьянина.

– Вот, Ветер, знакомься. Это Джан, старший семьянин.

Джан медленно встал и протянул руку.

– Здорово, Ветер. Как дела? Расположился? Щука тебе, наверное, уже всё объяснил? Давай кофе попьём. Присаживайся.

Щука прошёл к своему месту. Оно было первым от окна с другой стороны стола, напротив Джана.

Позже Ветер понял, что здесь куда попало просто так не сядешь. Все места были поделены. Чем ближе к окну, тем человек главнее.

Щука показал на стул рядом с собой:

– Садись. Вот твоё место.

Получалось, Ветер и Щука сидели напротив Джана.

Ветер сел. Джан был в образе. Разговаривал деловито, через паузы, будто всё время находился настороже и фильтровал каждое слово. Спрашивал, как там на воле, что нового, кого Ветер знает, с кем пересекался на тюрьме. Нашли каких-то общих знакомых. Джан был с соседнего района, и Ветер знал оттуда нескольких пацанов. Немного посидели. Потом Щука сказал:

– Ладно, мы пойдём пока. Отбой скоро. Когда вышли из чайной, Щука сказал:

– Мы сегодня после отбоя в третий отряд пойдём. Познакомишься там с верхневолжскими. У Скока день рождения. Они там вдвоём с Чёрным рулят, даже не поймёшь, кто у них старший семьянин. Но официально Чёрный. Шах с Кентом туда подтянутся. Посидим. Заодно твою встречу отметим.

Ветер спросил: – А Джан не пойдёт, что ли? Он же старший семьянин.

Щука опять усмехнулся.

– Джана туда не зовут. Да и какой он старший семьянин? Его Шах держал, чтобы верхневолжская семья в нашем отряде не умерла. Тут почти никого не оставалось и ставить было некого. Он в одно время вообще один верхневолжский в отряде остался. Думали, нижнесуровские сожрут нашу семью. Шах сюда приходил, поддерживал его. Точнее, не его, а семью. А потом нас завезли с Карпом, ещё народ подтянулся. Вот сейчас нас уже с тобой семь человек. А нижнесуровских, наоборот, меньше стало. Теперь, может, мы их сожрём. В общем, Джан своё сделал. Ему за это благодарность и пусть теперь спокойно освобождается, а то уже напрягать начал. Были тут у нас рамсы. Но вроде порешали. Так что он формально старший, а рулим мы.

Объявили подготовку ко сну, потом отбой. Щука объяснил, что лучше не раздеваться, просто лечь под одеяло. Ветер так и сделал. Дневальные выключили свет в секциях. Остался только тусклый ночной светильник с надписью «Выход». Минут через десять прошли два мента с фонариками и досками, на которых писали количество, пересчитали всех. Один был ДПНК, дежурный помощник начальника колонии и рядом ещё какой-то старшой.

Ушли. Через несколько минут Щука тихо поднялся и маякнул Ветру на выход. Они накинули телаги и вышли из отряда. Быстро пробежали по краю плаца, чтобы не светиться, обошли барак и зашли в третий.

Расположение было почти такое же. В чайной уже сидели гости: Шах и Кент. С Кентом они особенно тепло поздоровались. Тот сказал:

– Пока отдыхай, потом пообщаемся, ещё успеем.

Шах тоже улыбался и пошутил:

– Вот и здесь встретились.

Принимали хозяева: Скок и его семейник Чёрный. Все поздоровались.

Щука представил Ветра Скоку и Чёрному. Скок показался простым пацаном, без лишних понтов. Небольшого роста, с вытянутым лицом. Чёрный примерно такого же роста и он всё больше молчал. Они не были земляками по воле, были с разных улиц, но здесь, видно, скентовались. Скок вообще выглядел намного активнее Чёрного, хотя официально старшим считался именно Чёрный.

Для Ветра всё здесь было необычно. Пили амаретто и водку Smirnoff.

Всё в стекле. Совсем не так, как рассказывали на свободе те, кто освобождался с зоны, про спирт в бутылках из-под шампуня, который перебрасывали через забор. Здесь у пацанов,

похоже, всё было налажено как надо. Курили Marlboro и Bond. На столе стояли тарелки с аккуратно нарезанной колбасой, сыром, хлебом, фруктами.

Ветер на свободе, бывало, пил с пацанами в подъезде намного проще. Иногда вообще без закуски. Ему задавали обычные вопросы:

– Как там на воле? А этого знаешь? А тот где?

Сам Ветер больше хотел поговорить с Кентом. Всё-таки Кент был самым близким человеком из всех, кто здесь находился. Но за столом существовал какой-то свой этикет. Как будто волну запускал Шах, а остальные её подхватывали. Шах что-то говорил, другие поддерживали. Прикалывались тоже как-то по-своему. Разговоры всё больше за волю, про клубы, какие-то длиннокрылые восьмёрки, кто чего взял, у кого какие дела. Ветер слушал и временами чувствовал себя колхозником. Он думал: «Когда они вообще успели так пожить?» Какие-то элитные, образованные пацаны. А он почти не вылезал из своего двора, и рассказать особо нечего. Даже Кент, с которым Ветер дружил с детства, здесь выглядел немного другим. Тоже говорил в тему, но совсем не так, как они разговаривали на свободе вдвоём.

Щука особенно старался поддерживать разговор с Шахом. Было видно, что ему очень хочется его расположения. Ветер поначалу говорил на простоте, как привык среди своих. Но несколько раз почувствовал, что как будто попадает мимо кассы. Видимо, ему делали скидку на то, что только поднялся и ещё не вкуривает местные расклады. Скоро въедет. Временами становилось неловко. Как будто все вокруг понимают эту секретную волну, а он пока нет. Но постепенно алкоголь расслабил. Вроде всё прошло нормально.

Ближе к полуночи Шах сказал, что пора расходиться, чтобы не было проблем с администрацией. Как потом понял Ветер, такие вещи очень зависели от смены. При одной после отбоя из своего отряда особо никуда не выйдешь. При другой можно было спокойно пройти в соседний отряд, посидеть и вернуться обратно.

Ветер шёл за Щукой по неосвещённому краю плаца и думал, что для первого вечера всё складывается вообще неплохо. Он только сегодня вышел из карантина, а уже после отбоя сидел в другом отряде за одним столом с теми, кого здесь считали первыми. Его встретили. Дали хорошее место. Щука всё показывает и объясняет. Кент рядом. Шах знает, кто он такой. Никто не наезжает и не поясняет за жизнь.

Ветер вспомнил, как днём Щука перевернул Саву. Потом почему-то подумал о Фасоне и остальных, кто сегодня вместе с ним вышел из карантина в свои отряды. Им сейчас, наверное, было намного тяжелее.

Ветер вернулся в секцию, лёг на свою шконку и довольно быстро уснул. Первый вечер на Тройке закончился для него очень даже неплохо.

Глава 3. Первый день.

А вот следующий день Ветру запомнился совсем по-другому. Утро было неприятным. Разбудил крик: – Подъём! Подъём! Встаём! Отряд, встаём!

Кричали и в самом отряде, и что-то объявляли в общезоновский громкоговоритель, который было слышно с улицы. Ветру внутри даже стало жутковато. Щука уже поднялся. – Ну чё, с добрым утром, – сказал он с долей иронии, понимая состояние Ветра. – Шконарь тебе сегодня заправит мой чек, а потом зачекуешь кого-нибудь себе. Сейчас пошли на умывальник, потом одевай робу и на построение. Потом завтрак и ПТУ. До обеда в отряд не вернёмся.

Началось всё с робы. Тёмно-синяя форма, что-то вроде школьного костюма. Ветер ещё вчера почувствовал её неудобство. Всё где-то жало, тянуло, натирало, чесалось. Телогрейка тоже сидела непонятно как.

У Щуки всё было аккуратно подогнано. По нему сразу было видно, что он здесь уже обжился. А Ветер выглядел несуразно, будто надел первое, что попалось.

Отряд построился возле входа. Рядом, в локалке, строился первый отряд. Старшины секций с красными повязками СДП проходили вдоль пятёрок, проверяли строй, орали на тех,

кто замешкался. Вышел воспитатель. Ветер его ещё не знал. Просто какой-то мужик в форме. Вчера был другой. Последними из четвёртого отряда вышли Щука и Джан. А из первого также последними вышли Шах и Кент.

Воспитатель махнул старшине. – Четвёртый отряд, на общее построение шагом марш! Отряд двинулся ровным слаженным строем. Нога в ногу, синхронно отбивая шаг. Ветер шёл в последней пятёрке вместе со своими семейниками. Карп позвал его туда ещё перед построением. Сбоку шли воспитатель и старшина с повязкой, сзади отдельно Щука и Джан.

Примерно так же были построены все четыре отряда. Они вышли на плац и пошли на отрядное место на общей линейке.

Когда отряд остановился, его внимание привлекла сцена в строю соседнего отряда.

Здоровый старшина орал на какого-то несуразно одетого мастёвого:

– Эй, долбоёб! В строй нормально встань!

И пнул его сзади кирзачом. Этим мастёвым был Кирпич. Ветер его сразу не узнал. Серая мятая телогрейка не по размеру. Бесформенная мутоновая шапка. Зажатый и напуганный. Не сказав ни слова, быстро выровнялся в строю.

– Это Кобра, – сказал Карп, говоря про того, кто пнул Кирпича.

Про Кобру Ветер слышал ещё на тюрьме. Рассказывали про него как про жёсткого верхневолжского бугра. Одного из тех, кто ещё застал старую систему и продолжал жить по ней. Даже на тюрьме говорили, что на взросляке с Кобры могут спросить за беспредел, который он устраивал на Тройке.

Ветер смотрел на Кирпича. Всего пару недель назад этот здоровый, уверенный в себе пацан сидел напротив него в осуждёнке и рассказывал, как приедет на Тройку, наточит пику и первым делом завалит бугра. Вот тот самый бугор. И вот тот самый Кирпич. Только будто уже не тот. Ветер не мог совместить в голове этих двух людей.

Тогда Кирпич говорил громко, уверенно, постоянно возвращался к своей заточке и первому бугру. Сейчас молча выровнялся после пинка. Внутри у Ветра неприятно ёкнуло. Вот, значит, как бывает.

Он и раньше понимал, что на Тройке можно быстро опуститься. Слышал всякие истории, как бугры загоняют людей в масти. Но одно дело – слушать это на тюрьме, и совсем другое – увидеть человека, которого знал ещё неделю назад. Зона могла очень быстро поменять человека.

Постепенно Ветер начал замечать ещё одну вещь. Здесь даже по одежде можно было понять, кто есть кто. Вроде форма у всех одна. Казённая. Но только вроде. Те, кто находился внизу, ходили в серых телогрейках не по размеру, бесформенных мутоновых шапках, в робе, которая как выдали, так на человеке и висела.

У первых семей всё выглядело иначе. Чёрные аккуратные мутоновые шапки, похожие на норковые формовки. Робу подгоняли под себя. Телогрейки подшивали. Кирзачи у некоторых блестели как зеркало. Позже Ветер узнает, как всё это делали, как подшивали одежду, как обжигали утюгом кирзачи, чтобы в них можно было смотреться как в зеркало. Но пока он просто видел разницу. Одна и та же зона. Все в робе. Человек ещё даже ничего не сказал, и уже примерно понятно, где его место.

Кобра тем временем подошёл к Джану и Щуке. Поздоровались, перекинулись несколькими словами. Особенно по-свойски он общался с Щукой. Щука что-то сказал ему и показал на Ветра. Кобра посмотрел на Ветра, одобрительно кивнул.

Отряды выстроились. Началось общее построение. После него оба отряда пошли на завтрак. Ветер искал глазами Фасона, но так и не нашел. Народу было много, всё в первый раз. Нужно было смотреть под ноги, слушать инструкции Карпа: куда повесить телагу, какие ложки и тарелки можно брать, куда садиться и так далее. Пока не до Фасона. Кормили манной кашей.

Ветер её не любил ещё с детского сада. Как всегда, комки и сверху плёнка. Его раздражала и сама манка, и вообще всё происходящее вокруг.

Все одновременно заходят. Одновременно садятся. Одновременно едят. Потом команда: – Отряд, встали! Все встают. – Поблагодарили! И весь отряд хором: – Спа-си-бо! За ними другой: – Спа-си-бо!

Всё по команде, строем, вместе.

После завтрака их повели в ПТУ. Ветер попал туда сразу в первый день.

ПТУ находилось почти в самом конце зоны, на промке. Сначала выстроились перед первыми воротами на школьный двор. Холод. Старшой пересчитал. Открыли ворота. Промаршеровали до следующего забора перед промкой. Там ворота. Другой старшой пересчитал. Открыли. Помаршеровали дальше. Сама промзона к тому времени уже почти не работала. В цеха ходили единицы. В основном всё сводилось к занятиям в классах.

В ПТУ было холодно. Парты. Жёсткие деревянные сиденья. Какой-то мужик-преподаватель впереди монотонно что-то читал. Масти молча писали в тетрадях. Верхневолжские перешёптывались, кто-то писал, кто-то нет. Ветер ничего не слушал. Ему было холодно. Роба чесалась. Хотелось встать, выйти, пройтись куда-нибудь. На тюрьме можно было хотя бы ходить по хате. Можно было лечь, когда захочется. Там ты был закрыт, но внутри камеры хотя бы распоряжался собой. Здесь всё было расписано. Когда встать, сесть, поесть, выйти, вернуться. Куда смотреть. Как идти.

В голове у Ветра всё сильнее крутилась одна мысль: «Я здесь не смогу. Не выдержу». Он не представлял, как можно находиться здесь каждый день.

Строй. Команды. Холод. Одинаковая одежда. Какие-то бесконечные правила. Вокруг одни безбашенные малолетки, каждый со своими заморочками. Как здесь вообще жить?

Временами казалось, что его просто разорвёт изнутри от раздражения, страха и злобы. Эти полдня тянулись бесконечно. Потом снова вышли. Построились. Промаршировали в столовую. Обед. Снова строй. На полчаса в отряд.

Потом школа. В школе было немного интереснее хотя бы потому, что преподавали женщины. В основном уже немолодые, но в мире, где вокруг одни мужики, любая женщина сразу выделялась из общего фона.

На последнем уроке Щука сказал: – Сегодня во второй отряд сходим. Познакомлю тебя со Светлым и Коброй.

После ужина они пошли во второй. На пятаке возле входа Щука сразу начал с кем-то здороваться, разговаривать. Ветер тоже поздоровался. Это были верхневолжские, семейники Светлого и Кобры.

– Подожди минуту, – сказал Щука. Он отошёл всего на пару шагов и заговорил с одним из них про чётки. Чёточник из второго отряда должен был сделать Щуке новые. У Щуки вообще везде были какие-то подвязки, знакомства, движения, договорённости.

И в этот момент мимо Ветра почти пролетел Фасон. Тот самый Фасон, с которым они сидели вместе в 5.3, потом приехали одним этапом и две недели прожили в карантине. Они встретились глазами. Ветер уже хотел ему что-то сказать. Но Фасон мгновенно отвёл взгляд, будто вообще не знал Ветра, и пошёл дальше. По одному его виду Ветер уже понял, что произошло. Просить за Фасона было поздно. Тут Фасон, не глядя вперёд, случайно задел Щуку. Щука как раз закончил разговор, ещё смотрел назад на верхневолжских, с которыми прощался, и они столкнулись с Фасоном.

Щука резко развернулся, осмотрел задевшего: – В сушилку, масть. Фасон ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл в сушилку. Щука проводил его взглядом и повёл Ветра в чайную. Ветер думал: «Вписаться за Фасона? Но он же даже слова не сказал против Щуки. Мне сейчас Щука обоснует быстро, что я против земляка и за кого-то лошка впрягаюсь, который за себя сам постоять не может». Единственное, что Ветер сказал: – Щука, не бей его сильно, мы с

ним в одной хате сидели и в карантине. Щука сказал: – Да ладно тебе, масти должны своё место знать, лишковать я не буду, да и не за этим пришли. С этими словами они зашли в чайную.

Внутри сидели Светлый и Кобра. Щука улыбался, здоровался, будто ничего не произошло. – Ветер, знакомься. Светлый. Кобру ты уже сегодня видел. Поздоровались. Потом Щука сказал: – Сейчас подойду. Там масть одна что-то перепутала. Вы уж пообщайтесь пока. Я недолго. Подмигнул Кобре и вышел. Кобра пошёл следом. Ветер остался со Светлым.

Светлый был старшим семьянином второго отряда. Высокий, спокойный, культурный. Улыбчивый. Даже вроде матом не ругался. Это Ветра удивляло. Он смотрел на Светлого и думал: «Как такие вообще сюда попадают? Чего им на свободе не хватает?» Разговорились. Через какое-то время вернулись Щука и Кобра. У обоих красные кулаки. Дышат тяжело.

– Вот масть, – сказал Щука.

– Да он только поднялся, – ответил Кобра. – Его ещё вчера наши перевернули. Не хотел под четвёртый идти. Сегодня его уже кто-то зачековал.

Отдышались. И почти сразу переключились обратно на разговор с Ветром и Светлым. Светлый даже не спросил, что произошло. Как будто ничего особенного и не случилось.

Ветер уже начинал понимать, что начиная с четвёртого крана и ниже, кого-нибудь в отрядах били постоянно. Иногда по несколько раз за день. Многие ходили с синяками. И далеко не всегда дело ограничивалось подзатыльником или пинком. Могли попасть серьёзно. Так здесь поддерживали дисциплину.

Ветер ничего не сказал. Ещё в карантине он смотрел на Фасона и думал, что, может быть, попросит за него у своих. Теперь всё уже произошло. Да и если бы Фасон ещё не ушёл под четвёртый кран, Ветер вряд ли смог бы объяснить, почему его должны оставить под первыми тремя. Просто потому, что они вместе сидели в 5.3? Или потому, что две недели разговаривали в карантине? Для местных порядков это было слабым доводом.

Но неприятное чувство осталось. Какая-то беспомощность. И одновременно понимание, что теперь самому нужно соответствовать тем, с кем он живёт.

Кобра был вторым после Светлого. Ветер пока не понимал, почему так получилось. Может, Светлый приехал раньше. Потому что Кобра чувствовался совсем другим. Пожёстче. Непростой. Такой руку по локоть откусит. Даже когда Кобра улыбался и разговаривал доброжелательно, Ветер чувствовал в этом какую-то наигранность.

И ведь это был тот самый Кобра. Тот, про которого Ветер ещё на тюрьме слышал страшилки. Тот, который утром пнул Кирпича в строю. Тот, который только что вместе с Щукой избил Фасона.

А теперь они сидели за одним столом, пили чай и нормально разговаривали. Причём теперь Кобра был для Ветра свой. И Ветер для Кобры тоже. Это пока не укладывалось в голове. Не укладывалось и другое. Кобра ведь был с улицы. Пацан. А здесь его называли бугром. Сегодня утром Ветер своими глазами видел, как Кобра выравнивал строй. Как это вообще совмещается? Немного посидели, попили кофе, покурили и пошли с Щукой обратно в четвёртый отряд.

Светлый, кстати, оказался земляком Джана, их старшего семьянина. Они по воле были с одной улицы. И снова Ветер отметил странность: они с Щукой спокойно ходили к земляку Джана без самого Джана. Старшего семьянина как будто вообще не требовалось брать с собой. Щука действительно говорил правду. Джан уже был старшим только формально. До освобождения ему оставалось меньше месяца. Он доживал последние дни, почти всё время сидел в чайной и старался особо никуда не лезть. Постепенно Ветер начал замечать и другое.

Джан очень боялся Шаха. И прекрасно понимал, что происходит вокруг.

Щука набирал вес. Теперь приехал ещё Ветер. Оба земляки Шаха. Верхневолжская семья в четвёртом отряде уже совсем не та, которую когда-то приходилось спасать от нижнесуровских. Рыпаться Джану было незачем. Он просто считал оставшиеся дни.

Иногда Ветер смотрел на него и думал: «Интересно, а Джан вообще когда-нибудь был здесь настоящим старшим семьянином? Или всё это время просто держал место, чтобы верхневолжская семья не исчезла?»

Кошмар.После Кирпича и Фасона Ветер всё чаще вспоминал ещё одну историю. Она произошла ещё на тюрьме, перед отправкой на Тройку. Как-то их вели с прогулки обратно в хату. В это же время по продолу вели обиженных в свою камеру. И среди них Ветер вдруг увидел Лёху Фашиста.

На свободе Фашист был очень дерзкий. Высокий, крепкий, заметный. Ещё до группировки Ветер какое-то время был с ним в одной компании. Фашист в этой компании был самым старшим и фактически лидировал. В ней же был и Кент, но он держался с ним примерно на равных.

Однажды у Ветра с Фашистом случилась сцепка, дошло до драки. Ветер не просто встал в отмах для вида, а дрался до конца, но Фашист его всё-таки забил. Потом они замирили, но осадок у Ветра остался. Фашист тогда был неправ, но остальные его побаивались и за Ветра не вписались, хотя Ветер был и младше, гораздо меньше ростом и менее развит физически. Кента в тот день с ними не было. Ветер был уверен, что Кент бы за него вписался.

Кент с Фашистом между собой общались нормально. Одного возраста и примерно равные физически. Они были достаточно близкими приятелями.

И вот теперь этот Лёха стал каким-то образом обиженным. Причём он был на Тройке при Кенте и его сейчас привезли оттуда.

Ветер сначала даже не поверил, что это действительно Фашист.

Они увидели друг друга и успели перекрикнуться. Долго разговаривать Ветер, конечно, не стал. Всё-таки Лёха теперь сидел в петушатнике. Фашист сам крикнул ему: – Меня с Тройки вывезли по новой делюге. Кент там в авторитете! Не гони! Он тебя встретит! И всё. Фашиста завели в камеру.

Ветер потом долго об этом думал. Что вообще такого должно было произойти на Тройке, чтобы именно Фашист оказался в таком положении? На свободе он был совсем не из тех, кого можно было представить среди обиженных.

И ещё Ветер не понимал другого. Если Кент там в авторитете, почему никак не смог за него вписаться? Или всё произошло ещё до того, как Кент сам приехал на Тройку? Ветер подумал, что обязательно спросит у него об этом. Уже в зоне он при разговоре с Кентом снова вспомнил об этой встрече. – Чё случилось-то с Фашистом?

Кент пожал плечами. – Да я даже не знаю. Я приехал, он уже такой был. Оказалось, что на Тройке Лёху вообще больше никто не называл Фашистом.

Здесь у него была другая кличка. Кошмар. Именно кличка, потому что погоняло было у путёвых. Когда Кент приехал на Тройку и впервые его увидел, Лёха даже не посмел с ним поздороваться.

– Я потом у верхневолжских спросил за него. Мне говорят: «Какой Фашист? Это Кошмар, петушара». Кент говорил об этом спокойно, почти без эмоций.

– Его реально отпидарасили за что-то. Не просто опустили. Он стал так жить. Его потом периодически кто-нибудь подтягивал, чтобы ублажал намерения. Вообще другой человек стал. Какой-то конченый. Я даже не стал с ним никак контачить.

Это не укладывалось в голове. Одно дело загасился, а другое вот так. Тут всё-таки нет такого беспредела, чтобы прямо силом обиженного заставляли. Он же сам потом соглашался. Ветер впервые столкнулся с таким и даже не понимал, как на это реагировать. Противоречивые чувства терзали его. Где-то даже было злорадство. Фашист когда-то сам его избил по беспределу, и был тогда явно сильнее, и никто тогда не посмел вмешаться. Получалось, жизнь его наказала. И всё-таки было жалко, но Ветер этого не показывал. И даже стыдно за Фашиста. А

ещё было стыдно за себя, что, получается, он когда-то получил по башке от какого-то пидора. Так кому скажешь – надо пояснять, что Фашист тогда ещё был путёвым. И за это было презрение и злорадство.

Но сильнее у Ветра было другое чувство. Страх. Фашист был духовитый. Причём, как казалось Ветру, даже подуховитее его самого. А теперь он – Кошмар. Сломать, значит, могут любого.

Только вслух такие мысли здесь не говорили. Наоборот, нужно было держаться так, будто лично с тобой подобного произойти не может никогда.

Кент и Фашист были ровесниками. Вместе учились в школе, точнее, вместе её прогуливали. Где-то в восьмом классе, когда им было лет по четырнадцать, они с другими пацанами из компании на перекладных поехали на юга. По дороге остальных позабирали менты как беспризорников. А Кент с Фашистом были самые рослые, уже не выглядели детьми, так и пропетляли и добрались аж до Крыма. Месяца два там болтались. Денег почти не было. Что-то подворовывали, как-то перебивались, потом еле смогли вернуться обратно. После рассказывали всем про своё приключение.

То есть тогда они действительно были близкими друзьями. Ветер с Фашистом настолько близок никогда не был, скорее наоборот, вынужденно общался. Пересекались, ходили одной компанией, могли вместе где-нибудь шастать, но не больше.

И при этом Кент приехал на Тройку и просто увидел уже готовый факт.

Фашиста больше нет. Есть Кошмар. Они даже не разговаривали, как будто не знакомы. Как будто вся та жизнь, где они вместе прогуливали школу, как-то выживали беспризорниками в Крыму, болтались там без денег и считались близкими кентами, осталась по другую сторону забора, в другой жизни.

Здесь всё начиналось заново. И человек мог приехать сюда одним, а через какое-то время стать совсем другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.